

* * *

Изданием материалов, относящихся к академику Е. В. Тарле, Библиотека Российской Академии наук продолжает публикацию следственных документов так называемого «Академического дела 1929–1931 гг.»; ранее, в 1993 г., в свет вышел 1-й выпуск, посвященный академику С. Ф. Платонову. В предисловии к 1-му выпуску¹ со-

---

¹ К сожалению, в различных изданиях имеют место неточности, относящиеся к фактической стороне «Академического дела 1929–1931 гг.». Это вполне объяснимо: доступ к архивным материалам был закрыт, да и сейчас затруднен. Так, в двух абзацах книги А. Н. Яковлева (многолетнего руководителя различных комиссий по реабилитации жертв репрессий, имевших место в 30–40-е гг. и начале 50-х годов), посвященных характеристике этого «дела», допущены три ошибки: организация, сфабрикованная ОГПУ, названа не «Всенародным союзом. . .», а «Всесоюзным. . .», М. К. Любавский превратился в М. К. Любарского, наконец, в число репрессированных попал А. Е. Пресняков, который умер от рака в сентябре 1929 г., еще до начала следствия по этому «делу» и арестов (*Яковлев А. Н. Горькая чаша: Большевизм и Реформация в России. Ярославль, 1994. С. 165*).

² Архив Управления ФСБ по СПб. и области. П–65245. Т. 19. Л. 308–320.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XLIX–XLII.

держатся общие сведения о сохранившихся документах следственного дела и о принципах предпринятого БАН издания. Публикуемые во 2-м выпуске материалы находятся в томах 2, 3, 7 и 12 следственного дела № П-65245, хранящегося в архиве Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и области. Материалы основного производства прекращенного следственного дела «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» являются частью Общего следственного фонда Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ)¹. Принятый в апреле 1995 г. Закон об органах Федеральной службы безопасности закрепил за ФСБ «право самостоятельного хранения ведомственных документов и контроля над процессом рассекречивания материалов, имеющих историческую и научную ценность» (ст. 5). Тома 2 и 3 данного следственного дела целиком посвящены Е. В. Тарле. Единичный случай вкрапления посторонних материалов составляет ошибочно подшитый в 3-й том заключительный лист 412 — выписка из протокола № 38 Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 16 сентября 1944 г. об отказе Л. А. Мерварт в снятии судимости. Это подтверждает высказанное ранее составителем предположение об окончательном оформлении материалов следственного дела не сразу же по его завершении, а лишь в конце 1950-х гг. Том 7 содержит материалы о Е. В. Тарле (окончание) и Н. П. Лихачеве. Том 12 разнороден по составу: в нем содержатся материалы об А. М. Мерварте (начало следствия), адресованные следователям заявления Е. В. Тарле и Н. В. Измайлова, выписки из показаний С. Ф. Платонова и других лиц. Кроме перечисленного выше в следственном деле имеются другие материалы, относящиеся к Е. В. Тарле, — в томе 12 содержится протокол очной ставки Е. В. Тарле с С. Ф. Платоновым (копия, подлинник находится в т. 7), в томе 6 — с В. Н. Бенешевичем; в томах 18 и 19 находятся документы реабилитации Е. В. Тарле; эти материалы будут помещены в выпусках, посвященных соответственно В. Н. Бенешевичу и реабилитационному производству.

---

¹ Архивы России: Москва и Санкт-Петербург. Справочник, обзорение и библиографический указатель / Гл. ред. В. П. Козлов, П. К. Гримстед. Отв. сост. А. В. Репуло. М., 1997. Сведения о ЦА ФСБ — с. 236–239; об Архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области — с. 335–337.

Состав публикуемых следственных документов традиционен в жанровом отношении, хотя и отличается большим разнообразием по сравнению с 1-м выпуском. В состав 127 документов следственного дела Е. В. Тарле помимо официальных документов следственных органов и администрации мест заключения, а также анкет, входят прежде всего протоколы допроса и собственноручные показания подследственного, протокол очной ставки, заявления подследственного с сопроводительными документами, а также материалы нетрадиционного состава — выписки из дореволюционных архивных дел (относящиеся к Тарле материалы Особого отдела Департамента полиции МВД), врачебное свидетельство (которое должно было бы храниться в наблюдательном деле заключенного, а не в следственном) и приобщенная к делу записка, которую Тарле нелегально пытался передать из тюрьмы жене. Расположение материалов внутри переплета следственного дела, как правило, находится в хронологической последовательности, за исключением материалов, точная датировка которых в заголовке отсутствует и которые приблизительно можно датировать лишь по содержанию. Подобную задачу лица, проводившие переформление материалов следственного дела во второй половине 1950-х гг., перед собой не ставили. Нумерация листов каждого тома произведена механическим нумератором.

Все материалы, упоминаемые «описью документов дела», которой открывается каждый том, находятся в наличии. В нашем издании данная опись не приводится, так как в соответствии с планом издания, публикуются все документы без какого-либо отбора, а оглавление данного выпуска дает более точное наименование документа, чем «опись документов дела». Составитель не всегда следовал порядку расположения документов в деле, указанному в «описи» (местонахождение в деле указано в легенде каждого документа); в основу расположения документов был положен хронологический принцип.

Физическое состояние документов в целом удовлетворительное, хотя, в отличие от большинства материалов данного архивохранилища, они несут на себе следы многолетнего пользования читателями, а именно столь характерный вид усталости, которым отмечены в центральных архивах материалы, постоянно выдаваемые исследователям в подлиннике. Степень зачитанности (если употребить это слово в буквальном смысле) у посвященных Тарле томов гораздо бóльшая, чем у предыдущего тома, посвященного Платонову, и несравнимо бóльшая, чем всех остальных томов данного следственного дела. Отметим, что, как и подавляющее большинство материалов Общего следственного

фонда ЦА ФСБ РФ, он существует в архиве в единственном экземпляре, так как в силу специфики архива и его закрытости для исследователей создание страхового фонда в нем предусмотрено не было. Бумажный блок тома 3 носит следы механических повреждений, внешний вид которых свидетельствует о том, что после незначительного поедания верхнего правого угла грызунами края листов 1–8 со следами зубов были обрезаны ножницами. Учитывая, что поврежденными оказались бумажные листы с нанесенными типографской краской номерами страниц, но изобиловавший притягательным для грызунов клеем переплет остался целым, можно приблизительно установить время, когда это событие произошло — не ранее середины 1930-х (формирование дел с их полистной нумерацией) и не позднее второй половины 1950-х (переплет) годов. Вполне вероятно, что это случилось в годы блокады.

Состав документов, публикуемых в основном разделе выпуска, обусловлен их нахождением в материалах следственного дела. Так, например, в один из томов, посвященных Е. В. Тарле, была включена копия недатированного протокола показаний Ю. Г. Оксмана, однако показания последнего от 27 января 1930 г., на которые сам Оксман ссылается в тексте, в состав публикуемых документов не включены. Это обусловлено тем, что в противном случае выпуск оказался бы перегруженным второстепенными текстами, имеющими вспомогательный характер по отношению к основному корпусу документов, а также тем, что неминуемо произошло бы дублирование публикуемых текстов, и структура издания оказалась бы нарушенной. Ряд следственных материалов, относящихся к Тарле, в настоящее время выявить не удалось — в первую очередь, протоколы допросов и собственноручные показания во время его пребывания в Москве осенью 1930 г., а также упоминаемая им в документе № 116 «записка на сорока полулистах». «Записки» Тарле, возможно, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ, о которых со слов бывшего начальника Отдела регистрации и хранения архивных фондов А. А. Краюшкина сообщал В. И. Шенталинский¹, сам с ними не работавший, выявить не удалось, несмотря на неоднократные обращения редколлегии издания в архив данного ведомства. Вполне вероятно, что в данном случае речь могла идти о материалах основного и дополнительного производств следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», неоднократно посылавшихся в конце 1980-х — начале 1990-х годов во

---

¹ Шенталинский В. И. Рабы свободы в литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 19.

временное пользование из ленинградского ведомственного архива в московский.

Типы документов, публикуемых в данном выпуске, не имеют существенных отличий от предыдущего. По-прежнему наибольшее количество публикуемых документов составляют протоколы допросов и собственноручные показания подследственных. Если в материалах С. Ф. Платонова жанровое различие между этими документами прослеживается достаточно четко (за исключением тех случаев собственноручных показаний, которые являются ответами на несохранившиеся вопросные пункты), то в материалах Е. В. Тарле различие оказалось в значительной степени условным: едва ли не половина текстов протоколов допросов и собственноручных показаний носит промежуточный между ними характер. Собственноручные показания Тарле в ряде случаев написаны на бланке допроса, еще чаще они скреплены подписью «Допросил Стромин». Несмотря на монологический характер изложения, композиция текста, в которой явно видны как поставленные следователем вопросы, так и данные подследственным ответы, а также категоричность употребляемых формулировок, весьма отличная от оборотов речи Тарле, побуждает рассматривать эту разновидность документов как типичный случай так называемого «принудительного „соавторства“» (термин, введенный Б. В. Ананьичем и В. М. Панеяхом при характеристике степени достоверности показаний, полученных путем подобного совместного творчества). «Обращает на себя внимание значительное отличие показаний от протоколов — по лексике, оборотам речи, построению фраз. Уже одно это свидетельствует о неадекватности записей в протоколах действительным ответам < . . > Необходимо отметить также, что протоколы носили характер произвольно скомпонованных достаточно кратких резюме допросов подследственного в форме его монологов, без записи задаваемых вопросов, содержание которых, впрочем, иногда можно восстановить. Само собой разумеется, что протоколы писались после, а не во время допросов. Такая форма протоколирования позволяла следователям фальсифицировать суть сказанного, исказить ответы. Да и сама лапидарность протоколов не могла отразить всех нюансов сказанного»¹. Возможностей «принудительного „соавторства“» собственноручные показания предоставляли гораздо больше, чем протокол допроса, особенно если

---

¹ Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительное «соавторство» (К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929–1931 гг.» Вып. 1) // *Internetium*: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 93.

речь шла о столь несхожих по умению владеть пером лицах, как Стромин и Тарле. Для более точного обозначения подобной разновидности документа его следовало бы озаглавить «Собственноручные показания (имярек), данные в ходе допроса, произведенного (имярек)». Если в 1-м выпуске данная разновидность документа встречалась один раз (№ 24) (для сравнения: протокол допроса — 35 и собственноручные показания — 20), то во 2-м выпуске она становится преобладающей — 37 раз (протоколов допроса — 11 и собственноручных показаний — 11). Тем не менее во 2-м выпуске в целях единообразия в подобных случаях продолжает употребляться, как и в 1-м выпуске, наименование «собственноручные показания», а упоминание о «соавторе» этих показаний можно видеть в подписи под документом. Что же касается многочисленных «заявлений» Тарле, то таковыми они являются по своему содержанию; по внешнему виду они являются записками, написанными, как правило, на четвертушках обычного листа писчей бумаги. В отличие от 1-го выпуска, в заголовок подобных «заявлений» не вынесено их содержание — это привело бы к дублированию текста записок ввиду их немногословия и однообразия.

По свидетельству современницы, «Стромин был подлый и, кроме того, поразительно бездарный»¹. Написанное Строминим не подвергалось составителем редактированию, за исключением исправления орфографических ошибок и необходимых грамматических согласований: по уровню малограмотности Стромин выделялся не в лучшую сторону среди своих коллег и красоты слога типа «характеристика . . . оставила на меня большое впечатление» или «обличенным полнотою власти», «ставила себе целью осторожного вовлечения», «министр исповедания», «с первых времен революции», «поприще просвещения», «производилось достоянием гласности», «сильно облегчило в их стремлении», «влиянием НКВД к германскому послу», «незадолго после», «евразизм», «Галипопольский», «стал за лучшее пассивное сопротивление», «учебных обществ» не должны рассматриваться читателем как огрехи работы составителя и редактора; многочисленность же подобных случаев вынуждает воздерживаться от употребления в подстрочных примечаниях указания «так в подлиннике» — в противном случае она бы заполнила собой большую часть примечаний. Подобное указание делается в случае разрыва последовательности изло-

---

¹ Штакельберг Н. С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» / Пред., послесл. и публ. Б. В. Ананьича. Примеч. Е. А. Правиловой // Там же. С. 49.

жения, что могло бы восприниматься как пропуск при публикации; случаи нарушения последовательности изложения встречаются неоднократно, особенно в текстах Стромина.

Датировка документа соответствует обозначенной на нем дате, — которая может приниматься с определенной долей условности. Позднее Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. отмечало «. . . нередко показания арестованного записываются следователем в виде заметок, а затем, спустя продолжительное время . . . составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование . . . о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока арестованный не признается в совершенных им преступлениях».¹

Имена собственные, как правило, давались в современной транскрипции без специальной о том оговорки. Так, в текстах Тарле и Стромина употребляются формы: *Боайе*, *Буденый*, *Данну*, *Канчаловский*, *Карташов*, *Коковцев*, *Оденец*, *Орбелли*, *Пуанкарэ*, *Пэнго*, склоняемый по женскому роду *Тома* (только у Стромина), *Церетелли*, *Шереметьев*, *Эрио* (правильные формы см. в именном указателе), отчество *Ануфриевич*. Впрочем, отметим и то, что сам Тарле далеко не всегда был последователен в транскрипции имен собственных: в одном и том же документе у него встречаются *Ламуанон* и *Лемуанон*. Реальный комментарий к именам собственным дается в текстологических примечаниях лишь в самых необходимых случаях — когда его отсутствие затрудняет понимание текста. Так, например, упоминаемый в записи Стромина *Алеби Луи* является *Эли Галеви*.

В текстологических примечаниях приводятся только разночтения, не имеющие характера орфографической правки. Правописание приведено в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации. При воспроизведении собственноручных показаний Е. В. Тарле публикатор стремился с максимальной точностью воспроизвести текст документа со всеми присущими ему особенностями. Тем не менее употребляемое Тарле неполногласие в словах *пред*, *средина*, *чрез* — не сохраняется. Сохранено характерное для эпохи написание *конфекты*, употребляемое Тарле. В соответствии с нормами современной орфографии пишутся слова *пансионер* (в значении лица, получающего пенсию), *сантиментальность*, *эксплоатировать*, *дессант*, *незначущий*. Сокращенное название учреждения *Центроархив* приводится без со-

---

¹ Хлевнюк О. В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 213

единительной гласной. Современники отмечали соответствие устных выступлений Тарле его опубликованным работам. «Лишь очень немногие деятели литературы и науки „говорят как пишут“, и их стенограммы могут идти в печать с незначительной правкой, — такими были, например, А. В. Луначарский и Е. В. Тарле.»¹

При пропуске букв и сокращении слов текст дополнялся в квадратных скобках. Это относилось даже к тем словам, которые обычно не раскрываются, — например, упоминаемое перед фамилией *ген[ерал]* или *акад[емик]*. Последнее сделано для удобства автоматического перевода текста на иностранные языки. Перечень сокращений и аббревиатур дан в приложении. Не раскрывались очевидные сокращения сложных слов, как-то *соввласть* (всегда со строчной буквы, несмотря на различие, зачастую даже в пределах одного документа), *Госдума*, *Политбюро*. В единичных случаях давался предельно краткий необходимый комментарий, например *Осваг* — Освободительное агентство Добровольческой армии. Унификация сокращений в публикуемых текстах не производилась, так, члены партии социалистов-революционеров обозначены как *с.-р.*, *эс-эры* и *эсеры*.

На протяжении всего текста унифицировано употребление прописных и строчных букв, как-то: *Белая армия*, *Красная армия*, *Добровольческая армия*, *Германская националистическая партия*, *Генеральный штаб*, *Лига Наций*, *Академия наук*, *Университет* (в значении конкретного учебного заведения), но: *белое движение*, *белая эмиграция*, *живая церковь*, *соввласть*, *славянство*, *германское правительство*, *французское Министерство иностранных дел*. Не сохранялось современное эпохе написание географических названий: *Гатчино*, *Донбас*, *Чехо-Словакия*, а также употребляемого Строминным *Манджурия*. Сложные слова пишутся по современным орфографическим правилам: *Южно-германский*, *староцерковный*, но *Северо-Американские Соединенные штаты*. Сохранено употребляемое Тарле написание партии *Дашнак-Цутюн*, а также своей специальности *Всемирная История* (единичное в анкете).

Подстрочные примечания имеют двойную нумерацию. Звездочкой отмечены авторские примечания, к которым составителем сделано указание — *примечание Тарле*. Все примечания, не имеющие указания на авторство, принадлежат составителю; это обстоятельство особо не оговаривается. Звездочкой отмечены переводы иностранных текстов. В примечаниях, отмеченных арабскими цифрами, учтены все исправле-

¹ *Рейсер С. А.* Русская палеография нового времени. М., 1982. С. 55.

ния, вставки, зачеркнутые места, которые были сделаны Тарле и его «соавторами», а также все пометы на страницах материалов следственного дела, сделанные лицами, его читавшими. В том случае, если автор помет мог быть установлен, это отмечалось; в противном случае их авторство не оговаривалось. Учтены даже пометы сравнительно позднего времени, сделанные на копии шариковой ручкой (т. е. заведомо не ранее 1951 г. — времени начала их массового производства за рубежом); они относятся, вероятно, ко второй половине 1960-х гг., когда шариковые ручки вошли в обиход советских людей, и связаны с обращением к следственным материалам в связи с реабилитацией лиц, привлеченных по основному производству «Академического дела» (1967 г.).

При характеристике помет следует учитывать, что слово *подчеркнуто* относится к линии горизонтальной (под строкой), *отчеркнуто* — к вертикальной (на левом поле), а *выделен* — к обведению по периметру данного фрагмента текста. Все отмеченные подобным образом фрагменты приводятся в подстрочных примечаниях. При характеристике опущенного фрагмента текста различаются понятия *зачеркнуто* и *вымаран*, в первом случае речь идет о зачеркивании текста горизонтальной чертой при сохранении возможности прочесть зачеркнутый фрагмент; при вымарывании же чернила нанесены столь плотно, что текст не поддается прочтению, лишь в некоторых случаях удалось установить количество вымаранных слов. Принадлежность Тарле зачеркнутого и вымаранного текста и самой правки определяется по цвету чернил и наклону пера, которые, как правило, идентичны и для текста показаний. Отмечается наличие в документе отметок, свидетельствующих о принадлежности исправлений. Внутренняя нумерация листов протоколов воспроизводится только в том случае, если она представляет интерес для истории публикуемого текста. Не сохраняются пометки «верно» в конце машинописных копий, а также разметка машинистки на подлиннике. Подписи воспроизводятся именно так, как они имеются в подлиннике, иногда даже в пределах одного документа подпись отличается: Евг. Тарле и Е. Тарле. Случаи невписывания в машинописные копии иноязычных слов особо не оговариваются. Указание на цвет чернил приводится только в том случае, если это имеет значение для характеристики документа. Так, в документе № 85 цвет чернил различен, что может свидетельствовать о некотором временном разрыве во времени между началом и окончанием работы Тарле над показаниями. Отметим, что ни в одном из протоколов допросов нет указания на время его проведения и его длительность. Цвет чернил

позволяет установить стадии работы «соавторов» над текстом — так, в документе № 52 можно видеть чернила трех цветов: лиловые (собственноручные показания Тарле), черные (написанные им дополнения, а также сделанные им вставки в ранее написанный текст) и зеленые (заглавие, разметка листов и редактирование показаний Тарле, сделанные Строминым).

Помимо основного корпуса материалов следственного дела в данном выпуске публикуются три приложения.

Первое приложение представляет собой напечатанную в качестве вступления к изданной типографским способом для служебного пользования книге (о ней см. Предисловие, с. XXVI–XXX) докладную записку председателя ОГПУ В. Р. Менжинского и помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Я. С. Агранова генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову от 15 сентября 1930 г., содержащая информацию о ходе следствия по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России».

Второе приложение содержит докладную записку Я. С. Агранова В. Р. Менжинскому от 2 августа 1932 г. по поводу отказа Е. В. Тарле от ранее данных показаний. Данная записка известна лишь в машинописной копии, приобщенной к следственному делу (включена в состав 12-го тома основного производства). В этом же томе содержатся некоторые материалы, поименованные в списке приложений данной записки.

Третье приложение состоит из 117 писем Е. В. Тарле из Дома предварительного заключения (№№ 1–95) и из ссылки в Алма-Ате (№№ 96–117). Все они адресованы жене — О. Г. Тарле; лишь два из них адресованы сестре — М. В. Тарновской (Е. В. Тарле не сразу узнал, что она была арестована вскоре после него). Е. В. Тарле имел обыкновение во всех своих многочисленных поездках ежедневно писать О. Г. Тарле, бережно хранившей этот своеобразный дневник за многие годы. В Архиве РАН имеется более 400 писем Е. В. Тарле за 1924–1938 гг. (Ф. 627. Оп. 4. Ед. хр. 146–154); в 1924–1929 гг. они посылались из Парижа и Виши, куда Тарле имел привычку ежегодно уезжать на несколько месяцев для работы; в 1930–1931 гг. адрес отправителя на них не указывался — они шли из Дома предварительного заключения и из Алма-Аты, куда Тарле был сослан. Начиная с 1932 г. количество писем уменьшилось, как правило, они были связаны с командировками в Москву. Своему правилу — во время разлуки с женой ежедневно посылать ей если не обстоятельное письмо, то хотя бы почтовую карточку, — Тарле не изменил и в Доме предварительного

заклучения, откуда им было послано О. Г. Тарле около ста писем. До нашего времени их сохранилось 95; о том, что писем было больше, свидетельствуют пометы О. Г. Тарле на письмах №№ 5, 6 и 8 — соответственно 10, 11 и 13 письма. Письма О. Г. Тарле не сохранились; вероятно, после кончины Е. В. Тарле при передаче его бумаг в Архив РАН она не сочла необходимым передавать на государственное хранение свои письма. Все письма имеют один адрес *Ленинград, Набережная 9 января, д. 30, кв. 4, Ольге Григорьевне Тарле*; этот адрес не воспроизводится. В ряде случаев адрес дублируется — на случай повреждения в пути. Почти все письма написаны на почтовых карточках стандартного формата; текст на них расположен только с оборотной стороны. В легенде отмечаются даты почтовых штемпелей и пометы О. Г. Тарле о времени получения письма. В том случае, если почтовый штемпель или помета отсутствует, это обстоятельство особо не оговаривается.

На большинстве писем, отправленных из Дома предварительного заключения, указывается не только дата, но и время отправления письма почтой — указание на часы содержится в почтовом штемпеле либо до (№№ 3, 4, 6, 7, 9–17, 20, 31, 33–35, 37–51, 61, 72, 78–82), либо после (№№ 1, 2, 5, 8, 19, 21, 23–30, 32, 36, 53, 56–60, 62–65, 67, 71, 73–76, 83–91, 93–95) даты. После даты указано время получения в Ленинграде писем, отправленных из Алма-Ата (№№ 101–103, 105, 107). В двух случаях дата на штемпеле неразборчива (№№ 22, 68); еще в двух случаях штемпель не имеет даты — так называемая «сетка» (№№ 18, 52). Пять писем (№№ 54, 55, 66, 69, 70) вообще не имеют следов прохождения почты, и о способе их передачи адресату можно лишь высказывать предположение — было ли оно передано самим Е. В. Тарле при еженедельном свидании, или же через следователя. Как правило, между написанием письма Е. В. Тарле и его получением О. Г. Тарле проходил не один день — иногда письма приходили с большой задержкой. Так, письмо № 20 дошло до О. Г. Тарле через 23 дня после написания, № 17 — через 22 дня, № 24 — через 18 дней, № 7 — через 14 дней, № 10 — через 12 дней. Нередки были случаи одновременного получения большого количества писем — так, 20 июля 1930 О. Г. Тарле получила 8 писем (№№ 24, 26–30, 32, 36), затем 6 августа — 19 писем (№№ 31, 33–35, 37–51), 13 августа — 5 писем (№№ 52–56), затем 20 августа 4 письма (№№ 57–60). Подобный случай был и позднее — 1 октября О. Г. Тарле получила 6 писем (№№ 77–82). Письма Е. В. Тарле писал почти ежедневно, иногда — по 2–3 письма в день. Судя по содержанию его писем, О. Г. Тарле также старалась отправ-

лять одно письмо ежедневно. И в том, и в другом случае эти письма — с июня по октябрь 1930 г. — доходили до адресатов, как правило, один раз в неделю. Зачастую письма приходили с нарушением последовательности — так, отправленные 26 и 30 апреля письма №№ 3 и 4 были получены соответственно 9 и 8 мая; отправленные 1 и 4 июля письма №№ 23 и 25 дошли до адресата соответственно 19 и 6 июля; отправленные 15 и 17 сентября письма №№ 72 и 73 были получены соответственно 1 октября и 24 сентября. Совокупность сведений (проставленные Е. В. Тарле название дня недели или число; почтовый штемпель; помета О. Г. Тарле о дате получения; внешний вид почтовых карточек — изменение рисунка на лицевой стороне и почтовых тарифов) позволяет с относительной точностью датировать все письма Е. В. Тарле. Предложенная датировка не соответствует расположению открыток внутри архивных единиц хранения, куда оказались ошибочно включены также письма, относящиеся к другому времени. Так, в ед. хр. 152 (письма 1930 г.) находятся письма Е. В. Тарле из Парижа за 1927 г. (л. 58), 1929 (л. 50) и б/д (л. 51); здесь же находится телеграмма О. Г. Тарле от 19 сентября 1931 (л. 69) и талон к почтовому переводу от 13 июня 1930 г. (л. 78). Текст телеграммы: «Т[е]л[е]г[рамма] 398 Ленинграда 15/160 5 17 9 = Алмаата востребования Тарле = Целую благодарю = 19го 9 ч[асов] 52 м[инуты]». Текст талона: «Финансовый п[од]отдел ЦАУ РСФСР препровождает 21 р[убль] 97 к[опеек] авторского гонорара за ст[атью] «Положение архивного дела в Швеции», помещ[енной] в IV(21) вып[уске] журнала «Архивное дело» / Завед[ующий] финансовым п[од]отделом Мешков 13/VI–30 г.». В ед. хр. 153 (письма 1931 г.) ошибочно включено письмо из Москвы от 18 мая 1938 г. (л. 13).

С приездом О. Г. Тарле к мужу в Алма-Ата переписка прекратилась. Последнее свидетельство эпистолярного диалога супругов периода ссылки — отправленная Е. В. Тарле 9 октября 1932 г. из Москвы телеграмма: «9/Х 15 ч[асов] 30 м[инут] Алма-Ата почта востребования Тарле 571 Москвы 45/7702 10 9 13 30 Прекрасно устроился доме ученых целую» (Ед. хр. 153. Л. 38).

В конце данного выпуска помещены именной указатель к 1 и 2 выпускам, а также список сокращений и оглавление выпуска.

Предисловие к настоящему выпуску было написано Б. В. Ананьичем, В. М. Паняхом, А. Н. Цамутали (исторический раздел) и М. П. Лепехиным (археографический раздел). Биографический очерк о Е. В. Тарле написан Б. С. Кагановичем. Составление тома осуществлено М. П. Лепехиным, археографическая подготовка текстов — им же

совместно с С. К. Егоровым. Текстологические примечания написаны М. П. Лепехиным. Компьютерная верстка и создание оригинал-макета выполнены С. К. Егоровым. Перевод писем Е. В. Тарле с французского языка осуществлен Н. М. Степановой; редактирование перевода М. П. Лепехиным. Контрольная вычитка и редактирование выпуска производились М. П. Лепехиным и Э. А. Фоминой. Общее руководство подготовкой данного выпуска осуществлялось редакционной коллегией, непосредственное — ответственным редактором В. П. Леоновым. Редакционная коллегия благодарит директора Архива РАН Б. В. Лёвшина за предоставление для публикации писем Е. В. Тарле. Работа по подготовке издания и его печатанию осуществлялась при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 95-06-18633). Редакционная коллегия и Библиотека РАН выражает благодарность президенту РФФИ академику В. Е. Фортову и заведующему издательской программой РФФИ В. Д. Новикову за содействие в работе.